

Но в мире Фета этого события просто не существует. Его взор, как всегда, обращен не к высоким покровителям, а в небо, к угасшим звездам.

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чують, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха, —
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком вздоха!
(«Угасшим звездам»)

Через несколько месяцев после шумного юбилея он напишет давней, еще с армейской юности, знакомой: «Застываю, как земля осенью»¹. Ровно через два года, в январе девяносто первого, пожалуется Страхову: «Люди не хотят понять, как мне скучно, как я пугаюсь лета! Если б хватило сил, поехал бы в Японию. Это хоть ново и ненанюханом»².

Он пережил это лето, пережил и следующее. Продолжал переводить и писать мемуары. Общался с почитателями из нового поколения — Вл. Соловьевым, Л. Лопатиным, Н. Гротом. Составил план нового собрания стихотворений, добавляя в него все новые и новые вещи. «Каждый раз, когда напишу стихотворение, мне кажется, что это гробовая доска музыки. Глядь, опять из могилы пыхнет огонек, и напишешь... Если муза входит — я говорю: „Откуда? Какими судьбами? Неужели ты еще не совсем умерла?“»³ Осенью, в начале октября, как обычно, вернулся из Воробьевки зимовать в Москву. Вдруг простудился и заболел, задыхаясь и мучительно кашля. «Я хочу только сказать, что продолжаю жить, как жил. Не боюсь смерти, как не боялся жизни»⁴.

Долго ли бы вы хотели жить? —
Наименее долго.
Какой смертью хотели бы вы умереть? —
Мгновенной.

¹ Письмо А. Л. Бржеской, август 1889 г. // Блок Г. П. Летопись жизни А. А. Фета. С. 181.

² Письмо Н. Н. Страхову от 21 января 1891 г. // Там же. С. 181.

³ Письмо Л. Н. Толстому от 3 февраля 1879 г. // Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 46.

⁴ Письмо С. В. Энгельгардт от 10 марта 1879 г. // Фет А. А. Стихотворения. Проза. Письма. С. 383.

21 ноября 1892 года он отослал жену к доктору. Позвал секретаршу и продиктовал ей: «Не понимаю сознательно-го преумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному». Поставил дату и твердо расписался: «Фет (Шеншин)». Потом схватил со стола стальной стилет, после борьбы с испуганной секретаршей бросился в столовую за другим ножом, рванул дверцу шкафа, захрипел, упал на стул и больше не поднялся.

Эта внезапная смерть все равно была самоубийством римлянина-стойка. Ее подробности, однако, выяснились много позже¹. В печать попала успокоительно-нейтральная версия о мирной кончине. «Я была на похоронах Фета, — вспоминала С. А. Толстая. — Отпевали его в университетской церкви. Народу и венков было немного. Положили Афанасия Афанасьевича в гроб в его камергерском мундире, по его желанию. Странно было видеть в гробу этот золотом шитый шутовской наряд и тут же бледное, строгое лицо покойника с горбатым носом и впалыми губами и этим озабоченным, неземным выражением всего облика. Я близко подошла к гробу и положила Фету на грудь пышную живую розу, с которой его и похоронили. „Подари эту розу поэту...“ — вспомнила я его стих»².

В страшную метель гроб отправили по железной дороге в родовое имение Клейменово. Там и состоялось погребение.

Узнав обо всем, прозревший Страхов напишет: «Обидно мне было видеть, как равнодушно встретили печальное известие даже те, кого оно больше всего должно было тронуть. Какие мы все эгоисты!.. Он был сильный человек, всю жизнь боролся и достиг всего, чего хотел: завоевал себе имя, богатство, литературную известность и место в высшем свете, даже при дворе. Все это он ценил и всем этим наслаждался, но я уверен, что всего дороже на свете ему были его стихи и что он знал — их прелесть несравненна, самые вершины поэзии. Чем дальше, тем больше будут это понимать и другие»³.

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет
кругом

¹ Садовской Б. Ледоход. С. 75—83.

² Толстая С. А. Моя жизнь // «Новый мир», 1978, № 8. С. 108.

³ Письмо С. А. Толстой от 28 ноября 1892 г. // Там же. С. 133.